

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Жан-Батист
Мольер**

Скупой

Перевод с французского
Наталии Немчиновой

Жан-Батист Мольер
Скупой
Серия «Библиотека
драматургии Агентства ФТМ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28733510

Скупой: ФТМ; Москва; 2018

ISBN 978-5-4467-3113-8

Аннотация

Сюжет для пьесы Мольер позаимствовал у римского комедиографа Плавта. Главный герой, богач Гарпагон, невероятно скуп. Под его гнетом все домашние: выросших детей надо выгодно устроить в жизни, самому жениться на хорошенькой возлюбленной сына. Однако найденная слугой в саду шкатулка с деньгами Гарпагона переворачивает историю. Благодаря этому любовники вновь соединяются и обретают новых родственников.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	5
Явление I	5
Явление II	9
Явление III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мольер

Скупой

Действующие лица

Гарпагон, отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Мариану.

Клеант, сын Гарпагона, возлюбленный Марианы.

Элиза, дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.

Валер, сын Ансельма, возлюбленный Элизы.

Мариана, возлюбленная Клеанта, которую любит Гарпагон.

Ансельм, отец Валера и Марианы.

Фрозина, посредница в сердечных делах.

Симон, маклер.

Жак, повар и кучер Гарпагона.

Лафлеш, слуга Клеанта.

Клод, служанка Гарпагона.

Брендавуан, **Ламерлюш**, лакеи Гарпагона.

Комиссар.

Писарь.

Действие происходит в Париже, в доме Гарпагона.

Действие первое

Явление I

Валер, Элиза.

Валер. Что я вижу! Прелестная Элиза, вы грустите? Давно ли вы дарили меня благосклонными речами, заверяли в искренней любви? Я был безмерно счастлив. Но увы! Настали перемены. Вы моей радости не разделяете. Что значат эти вздохи? Скажите не таясь: вы сожалеете, что осчастливили меня надеждой? Вы раскаялись и уже хотите взять обратно обещание, которое исторг у вас мой пламень?

Элиза. Нет, Валер. Могу ли я раскаяться хоть в чем-нибудь, что делаю для вас? Я покорна нежной власти чувства, и у меня нет сил восстать против нее. Но не хочу скрывать: тревожусь я. К чему все это приведет? Боюсь, что я люблю вас несколько сильнее, чем то дозволено девицам.

Валер. Элиза, чем же вас страшат те милости, которые вы мне дарите?

Элиза. Ах, многим, многим! Я предвижу гнев отца, упреки всей родни, суровое сужденье света. Но более всего боюсь я вашего, Валер, непостоянства! Мужчины очень часто платят за страстный жар невинных чувств преступною холодно-стью.

Валер. О, не обижайте несправедливым опасеньем! Я не таков, как прочие! Подозревайте в чем угодно, но уж не в том, что я способен нарушить долг свой перед вами. Я люблю вас, и только вместе с жизнью моя любовь угаснет.

Элиза. Ах, Валер, говорят, у всех у вас одна и та же песня! В словах и клятвах все мужчины одинаковы, а вот поступки их показывают разницу меж ними.

Валер. Ну, вот и подождите выносить мне приговор, куда мое сердце не скажется в моих поступках, не вменяйте мне в вину напрасных страхов, порожденных вашей излишней и досадной осторожностью! Молю, не убивайте, не наносите мне жестокого удара оскорбительным сомнением! Дайте срок убедить вас тысячами доказательств, что я люблю любовью пламенной и чистой.

Элиза. Увы! С какою легкостью мы поддаемся увереньям милого! Да, Валер, мне думается, вы неспособны прибегнуть к низким обольщеньям. Я верю, что любима искренно, что вы мне не измените. Сомненья прочь! Но люди, но молва... Я их боюсь.

Валер. Да почему? Откуда это опасенье?

Элиза. Я ничего бы не страшилась, когда бы все могли смотреть на вас глазами моей души: ведь я-то нахожу в вас столько оправданий всему, что делаю для вас! Ваши достоинства – защита сердцу моему от всех укоров, а благодарность к вам – священный долг, предписанный мне небом. Разве я могу забыть, в каких необычайных обстоятельствах

мы встретились, с какою благородной отвагой вы бросились в бушующие волны и спасли меня, рискуя своею жизнью? А ваши нежные заботы, горячая, почтительная страсть, которую ни время, ни препятствия не охладили, которая вас держит близ меня, в чужом краю, далеко от родных и понуждает вас скрывать и свое имя и положение. Ведь для того, чтобы видеться нам повседневно, вы играете роль управителя, слуги у моего отца. Конечно, для меня все это чудо, просто чудо! Как же мне не оправдать свое согласие? Но, пожалуй, чужие люди меня не оправдают и не поймут.

Валер. Какие же у меня достоинства? Я на одно лишь уповаю: любовь – вот все мои достоинства. Суда людского не страшитесь – ваш батюшка как будто бы нарочно старается вас оправдать пред целым светом. Чрезмерной скупостью, суровым обращением он мог бы вас и брата вашего толкнуть на крайности. Милая Элиза, простите, что я так говорю. Но вы же сами знаете: ничего хорошего о нем сказать нельзя. Однако не тревожьтесь: если мне удастся, как я надеюсь, найти своих родителей, нам нетрудно будет добиться у него согласия на наш союз. Я с нетерпением жду вестей. Ежели отец и мать замедлят сюда прибыть, я сам поеду их разыскивать.

Элиза. Валер, оставайтесь. Умоляю, не уезжайте. Лучше постарайтесь батюшку расположить к себе.

Валер. Да я стараюсь; вы видите, как я стараюсь, на какие уловки я пустился, чтобы проникнуть в его дом и в услуженье поступить, какую маску я ношу, как я подлаживаюсь ко

всем его понятиям и чувствам, какую роль играю ежедневно, чтоб заслужить его расположение! Зато мне удалось достигнуть поразительных успехов, и я узнал на опыте, где самый верный путь к благоволению людей. Притворно разделяй все вкусы их и склонности, житейские их правила, восхваляй их недостатки, восторгайся всеми их словами и поступками. Не бойся пересолить в угодничестве. Даже если оно бросается в глаза, как грубая игра, – лестью одурачишь первейшего разумника, и он проглотит любую наглую, смешную выдумку, стоит лишь ее приправить похвалами. Конечно, при таких повадках теряешь искренность, да что поделаешь? Хочешь иль не хочешь, а приноравливайся к нужным людям. И если невозможно без лести войти к ним в милость, виноват не тот, кто льстит, а тот, кто любит лести.

Элиза. А почему бы вам не заручиться и поддержкой брата? Что, ежели служанка выдаст нашу тайну?

Валер. Мне не по силам угождать одновременно и отцу и сыну: уж очень разные они, войти в доверие к обоим – дело чрезвычайно трудное. Лучше, Элиза, вы сами воздействуйте на брата. Вы с ним друзья, постарайтесь склонить его на нашу сторону. Вот он идет. Я ухожу. А вы тем временем поговорите с братом, но откройте ему лишь то, что вам покажется уместным.

Элиза. Не знаю, право, хватит ли у меня смелости открыться.

Явление II

Элиза, Клеант.

Клеант. Ты одна, сестрица? Очень рад! Я сгораю от нетерпения доверить тебе тайну.

Элиза. Слушаю. Что ты хотел сказать?

Клеант. Ах, очень, очень много и всего лишь в двух словах: я влюблен.

Элиза. Влюблен?

Клеант. Да, сестрица. Но погоди, послушай. Я прекрасно знаю, что сын во всем зависит от отца и должен покоряться его воле; сын не имеет права жениться, не испросив на то согласия родителя, которому обязан жизнью; небо облекло отцов верховной властью над чувствами их сыновей; отцы посланы на землю для того, чтоб дети их не смели без руководства отчего ступить ни шагу; будучи уже избавлены от пыла страсти, отцы гораздо менее, чем мы, способны ошибаться и видят лучше нас, кто нам подходит; нам надлежит гораздо больше верить свету их рассудка, чем ослепленью сердца нашего; юные порывы толкают нас нередко к пропасти злосчастья. Вот, сестрица, я перечислил все – хочу тебя избавить от труда все это мне напоминать. Прошу тебя, мой друг, не читай мне наставлений: моя любовь их слушать не желает.

Элиза. Братец, ты уже сделал предложение?

Клеант. Нет еще, но я решился. И еще раз заклинаю: не

пытайся меня отговорить.

Элиза. Ах, братец, неужели я такая странная особа?

Клеант. Но ты, сестрица, любви еще не знаешь. Тебе неведомо, как сладостно тиранство нежной страсти над нашим сердцем, и твоего благоразумья я боюсь.

Элиза. Увы, Клеант, не поминай ты о моем благоразумье! Кому же благоразумье хотя бы раз единый не изменило? Если б я тебе открыла сердце, то, пожалуй, в твоих глазах оказалась бы даже менее благоразумною, чем ты.

Клеант. Слава богу! Неужели и твоя душа...

Элиза. Подожди, сначала о тебе. Кого ты полюбил, скажи?

Клеант. Юную девицу, недавнюю нашу соседку. Она так хороша, как будто бы ее предназначение в мире – пленять сердца. Ах, сестрица, никогда еще природа не порождала такого дивного созданья! Я полюбил ее с первого взгляда. Ее зовут Марианой, живет она при матери и во всем ей покорна. Мать – очень славная старушка, но почти всегда хворает, и эта прелестная девушка заботится о ней с глубокою дочернею любовью, во всем ей помогает, жалеет и утешает с такою нежностью, что каждый умилился. И что бы она ни делала, она всегда мила. Каждое ее движение полно изящества, очаровательной мягкости, все в ней говорит о подкупающей доброте, о редкой чистоте души... Ах, сестрица, как бы я хотел, чтоб ты ее увидела!

Элиза. Но я и так уж многое увидела из описания. И раз

ты ее любишь, значит это достойная девушка.

Клеант. Я стороной узнал, что они совсем не богаты, еле сводят концы с концами при самой скромной жизни. Сестра, ты только представь себе, какая радость – облегчить жизнь любимому созданию, как-нибудь тайком помогать в нужде добродетельному семейству, и ты поймешь, как мне обидно, что из-за скупости отца я этой радости лишен. Я ничем не могу доказать, как я люблю мою красавицу.

Элиза. Да, братец, понимаю; тебе, наверно, это очень горько!

Клеант. Так горько, что и сказать не могу! Нет, право, где еще найти такую жестокую скарედность, такую необыкновенную черствость сердца, от которой мы с тобой должны страдать? Зачем нам все отцовское богатство, ежели оно придет к нам, когда минует наша цветущая пора и мы уже не сможем наслаждаться жизнью? А сейчас отец меня лишает самого необходимого, я вынужден налево и направо занимать деньги на свое содержание. Чтобы носить приличную одежду, нам с тобой, Элиза, приходится упрашивать торговцев поверить в долг. И вот я решил поговорить с тобою: помоги мне выведать, как батюшка посмотрит на мои чувства к Мариане. Если воспротивится, я уйду из дому, буду искать доли с милой сердцу в чужих краях, и, может быть, судьба пошлет нам счастье. Для этой цели я теперь ищу повсюду, где бы достать денег. Если у тебя, сестрица, такое же положение и отец пойдет наперекор нашим желаниям, то уедем

вместе, освободимся от деспота, который нас так долго мучил своей невыносимой жадностью.

Элиза. Правда! С тех пор как нет на свете матушки, нам с каждым днем живется все тяжелее, и если...

Клеант. Постой, я слышу его голос. Пойдем отсюда, закончим разговор. А потом соединим наши силы и атакуем крепость отцовской суровости.

Явление III

Гарпагон, Лафлеш.

Гарпагон. Вон отсюда! Без разговоров! Чтоб духу твоего тут не было! Ну, убирайся! Плут, мошенник, висельник!

Лафлеш (*в сторону*). Вот проклятый старик! Сроду не видел такого злыдня. Бес вселился в него, прости господи!

Гарпагон. Что ты там бормочешь?

Лафлеш. За что вы меня гоните?

Гарпагон. Он еще спрашивает! Будто сам не знаешь, жулик! Вон отсюда, а не то получишь трепку.

Лафлеш. Что я вам сделал?

Гарпагон. А вот то и сделал... Убирайся, говорю.

Лафлеш. Мне хозяин – ваш сын, он велел мне здесь его дожидаться.

Гарпагон. Ступай на улицу, там жди. Прочь из дому! Торчишь, как пень, и все глазами шарить, выглядываешь, чем бы поживиться! Не хочу, чтоб в мои дела совали нос, выслеживали, где и что лежит. Вон как глаза-то бегают, по всем углам шныряют, нельзя ли чего стянуть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.